

Конунов А.А.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

**Стилевое варьирование в героических сказаниях Н. Улагашева
и в героическом эпосе коренных народов Горной Шории и Хакасии**

Известно, что героические сказания алтайцев сходны с эпосом тюркоязычных народов Южной Сибири (тувинцев, хакасов, шорцев). Сходные и различающиеся их черты уже отмечали в своих исследованиях фольклористы В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, И.В. Пухов, С.С. Суразаков, В.М. Гацак, А.В. Кудияров и др.

Для анализа взяты тексты героических сказаний одного из талантливейших алтайских сказителей-кайчы Николая Улагашевича Улагашева (1861-1946), опубликованных Н.А. Баскаковым в двуязычном научном издании «Диалект черневых татар (туба кижин)». Тексты хакасских героических сказаний «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучин». А также тексты шорских героических сказаний «Алтын-Сырык» и «Кан-Перген». При анализе так же привлекались рукописные тексты сказаний Н. Улагашева, хранящиеся в архивном фонде НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова.

Зафиксированный эпический репертуар сказителя Н. Улагашева состоит из тридцати одного героического сказания. Он по праву считается выдающимся хранителем устного народного творчества алтайского народа. Наиболее характерным стилевым признаком сказаний Н. Улагашева, как и в целом всей южно-сибирской эпической поэтики, можно считать *вариационный параллелизм*.

Термин «вариация» появился в начале XX века. Один из первых, кто применил это слово – немецкий ученый Хайнц Вернер (Heinz Werner, 1924). В дальнейшем эту стилевую категорию рассматривали ряд ученых, как Н.Н. Поппе, Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, Д.С. Лихачев, Р. Якобсон, М.П. Хомонов, А.И. Чудояков и др. В наши дни на основе текстов монголоязычных и тюркоязычных народов вариацию глубоко и подробно осветил А.В. Кудияров (Кудияров А.В., 2002). Он осуществил глубокую теоретическую и сравнительную разработку этого вопроса.

Рассмотрим несколько тем стилевой вариации: *характеристика эпического персонажа, психологическое состояние эпического персонажа, реакция природы на появление и действия эпического персонажа, богатырь в пути, богатырский поединок* и др.

По своей выразительности и поэтической форме в эпосе тюркоязычных народов Южной Сибири особо выделяются вариационные параллелизмы характеристики эпического персонажа.

Вариативное описание бессмертия эпического персонажа.

В сказаниях Н. Улагашева вариативное описание неувязимости эпического персонажа по структуре имеют незначительные расхождения, например, в сказании «Кан-Кюлер, ездящий на коне Кара-Кюрен»:

Кыйылып өлөр тыны жок,

Оборвавшись умереть – души нет.

Кызарып агар каны жок.

Краснея пролиться – крови нет.

(Баскаков Н.А., 1965, с.190)

Подобная вариативная фигура неувязимости богатыря является общим для всей алтайской эпики и относится как положительному, так и отрицательному эпическому персонажу.

Аналогичное вариативное описание с небольшой модификацией встречается и в

шорском героическом сказании «Алтын Сырык»:

Ўзүлдерде тыны чоқ,	Дыхание его не прервется,
Төгүлдерде каны чоқ.	Кровь его не прольется.

(ШГС, 1998, ст. 365-366)

По своей выразительности и поэтической форме в эпосе тюркоязычных народов Южной Сибири особо выделяются вариационные параллелизмы характеристики эпических персонажей. Например, красота эпического персонажа.

Идеальный облик, красота эпической героини в сказаниях Н. Улагашева как и в шорских и хакасских сказаниях в большинстве случаев выражается посредством уподобления с солнцем и луной. Например, в сказании «Эрзамыр»:

Ары көрзө, ай кептү,	Если туда посмотрит, луне подобна,
Бери көрзө, күн кептү.	Если сюда посмотрит, солнцу подобна.

(Баскаков Н.А., 1965, с. 241)

В шорском сказании «Кан Перген»:

Алдына, ай сузу шалча,	Спереди будто луна светит,
Кестиннең, күн сузу шалча, ол!	Сзади словно солнце сияет.

(ШГС, 1998, ст. 50-51)

В хакасском сказании «Алтын-Арыг»:

Сығар кеннең сыныхча,	Она прекрасна как восходящее солнце,
Падар айдаң соғлығча осхас.	Она чиста как убывающая луна.

(ХГС, 1988, с. 149)

Если посмотреть на алтайскую и шорскую цитаты, то в обоих вариативных описаниях при определенных опорных словах варьируются антонимичные наречия места *ары* – «туда», *бери* – «сюда» в алтайской цитате и *алдынаң* – «спереди», *кестиннең* – «сзади» в шорской цитате, а также существительные *ай* – «луна», *күн* – «солнце» в обоих цитатах. В хакасской цитате также присутствуют «луна» и «солнце» и максимум варьирующихся слов, где демонстрируется построение вариативной фигуры с помощью антонимичных по значению слов.

По словам С.М. Орус-оол «Подобное уподобление небесным светилам несет во всех сказаниях описательно-изобразительную функцию. Отождествление объектов с небесными светилами в разных традициях обнаруживает тенденцию к тому, чтобы превратиться в клише» (Орус-оол С.М., 2001, с. 324).

В цитате из шорского сказания «Канн Перген» идеальный облик и красота эпической героини выражается ее лучезарным взглядом, который затмевает сияние даже небесных светил:

Оң қарағының сузу	Лучи ее правого глаза
Ай сузун пазып одурғаны.	Свет лунных лучей превосходят.
Сол қарағының сузу	Лучи ее левого глаза
Күн сузун шавып одурғаны.	Свет солнечных лучей затмевает.

(ШГС, 1998, ст. 27-30)

В сказаниях Н. Улагашева аналогичных или близких по структуре и значению описаний не выявлено, но в общеалтайской эпике, конечно же, встречаются. Например, цитата из сказания «Алтай-Буучай» в записи А. Калачева, где в описании идеального облика богатыря, небесным светилам сравнивается глаза Алтай-Буучая:

Один его глаз ярок, как утренний восход,
Другой как луна горит.

(Калачев А., 1896, с. 493)

В поэтике рассматриваемых эпических традиций наличествуют вариационные параллелизмы, описывающие различное психологическое состояние эпического персонажа – гнев, радость, плач и т.д. Рассмотрим несколько примеров.

Радость эпического персонажа.

Некоторые описания выражения радости эпических персонажей, как в алтайских, так и в шорских сказаниях построены по принципу «не бывалого прежде» состояния, проявляемых как бы впервые.

В сказании «Бойдоң-Көкшин»:

Каткырбас бойы каткырды,

Не смеющийся, он засмеялся,

Сүгүнбес бойы сүгүнди:

Не радовавшийся, он обрадовался.

«Өлгөн бисти тиргистиң дейт.

«Умерших ты нас воскресил,

Өчкөн отты камыстың дейт».

Потухший огонь ты снова зажег».

(Баскаков Н.А., 1965, с. 147)

В сказании «Алтын Сырык»:

Үргүнмес постары үргүндүлер.

Не радовавшиеся – обрадовались,

Үрүкпес постары үрүктүлер

Не веселившиеся – развеселились.

(ШГС, ст. 341-397)

Перед нами – эпические стихи, вариативно описывающие радость и счастье эпических персонажей близких соседей, в которых совпадают содержание, стиль и ритмико-синтаксическая структура и даже словесное оформление.

В алтайской цитате мы видим слова автора и прямую речь. Если в первом случае при этом оттеняется многообразные аспекты варьируемой темы, то во-втором – особый драматизм в монологах персонажей, острота и напряженность их переживаний.

Плач эпического персонажа.

Вариативные фигуры, описывающие плач эпического персонажа у Н. Улагашева достаточно разнообразны. Приведем одну из них:

Көзиниң јажы көл болды,

Слезы из глаз – озером стали,

Мырының суу мыс болды.

Вода из носа – льдиной стала.

(ФМ, № 129, с. 7)

Этот вариант встречается и в хакасском эпосе Алтын-Арыг:

Харах чазы Алтын Арыгтың

Слезы из глаз Алтын Арыг

Хан полып килеедір,

Кровью становились,

Пурун суу Алтын Арыгтың

Вода из носа Алтын Арыг

Пус полып читкен.

В лед превращались.

(ХГС, 1988, с. 216)

По словам Л.Н. Арбачаковой «в поэтике шорского эпоса выражения, описывающие плач, слезы богатырей достаточно специфичны» (Арбачакова Л.Н., 2001, с. 85). Она в своей работе «Текстология шорского героического эпоса» приводит близкую к алтайской и аналогичную к хакасской цитате вариативную фигуру из сказания «Кумуш Кан»:

Қарақ чажын қан эдип улғады. Слезы глаз [своих] в кровь превращая, плачет.

Мурду суғун мусс эдип улғады. Воду из носа в лед превращая, плачет.

(Арбачакова Л.Н., 2001, с. 86)

Л.Н. Арбачакова пишет «Сопоставления слез с потоками озер и крови, а «воды из носа» с градом и льдом говорят не просто о плаче – как свидетельстве отчаяния и бессилия. За этим следует ожидать, например, гнева богатырей, их порыва к сражению» (Арбачакова Л.Н., 2001, с. 86).

В хакасском эпосе выявлены и другие варианты вариативно описанного плача эпических персонажей. Например:

Сыын пуғазы Чили

Как марал-бык,

Хыс чახсы сылалып, чобал турадыр,

Достойная дева трубно ревела, страдая,

Пулан пуғазы чили,

Подобно лосю-быку,

Хыс кізі пустап инелібіскен.

Дева ревела стеная.

(ХГС, 1997, с. 191)

Здесь описание плача эпической героини, дано более развернуто, где для демонстрации горя Ай-Хуучин в высшей степени сказитель прибегает к сравнению с действиями животных, точнее с ревом быков марала и лося. В сказаниях «Эрзамыр» и «Кан-Кюлер, едущий на коне Кара-Кюрен» Н. Улагашева встречается вариативная фигура, которая выражает наоборот приподнятое психологическое состояние эпического героя, где так же идет сравнение с самцом и самкой марала:

Сырлу сыгын немедий

Как марал-самец

Сыгыр-сырлап кожондойт

Свистя трелью, поет,

Коо мыйгак немедий

Словно стройная самка марала,

Коолодо кожондойт.

Протяжно поет.

(Баскаков Н.А., 1965, с. 221)

Мука эпического персонажа.

Здесь описания, как в алтайском, так и в хакасском сказаниях построены по принципу «не бывалого прежде» состояния, проявляемых как бы впервые.

Например, мука эпического персонажа:

Канн-Келер чыралабас бойы

Канн-Кюлер, никогда не страдавший,

Чыралап јатты,

Стал страдать.

Кыйналбас бойы

Никогда не мучавшийся,

Кыйнал јатты.

Мучиться он стал.

(Баскаков Н.А., 1965, с. 176)

Почти аналогичное по содержанию и ритмико-синтаксической структуре вариативное описание встречается и в рассматриваемых хакасских сказаниях.

Чобалбастаҕ Чибетей	Не знавший страданий, Чибетей
Чобалып пастабысхан,	[Тут] начал страдать,
Инелбестег ир чахсызы	Не знавший мучений, лучший из мужей
Инелип, чобалыбысхан.	[Тут] стал мучиться и страдать.

(ХГС, 1997, с. 94)

Подобные вариативные фигуры в рассматриваемых хакасских сказаниях сказителем используются применительно к финальной сцене богатырского поединка. Надо сказать, что здесь речь идет не только о физическом страдании, но так же данная цитата несет в себе и эмоциональную нагрузку. В сказании «Алтын-Арыг» выявлено собственно психологическое описание:

Чобаҕлыҕ чахсыны көрзе,	Увидит доброго [человека] страдающим –
Чүрегі ағыр чөредір,	Сердце его болью отзовется,
Инегліг кізіні көрзе,	Увидит мучающегося человека –
Иді аҕарып чөредір.	Душа у него заболит.

(ХГС, 1988, с. 27)

В рассматриваемых сказаниях вариативные фигуры, описывающие реакцию природы на появление или действия эпического персонажа употребляются применительно не только к одному эпическому герою, но и к ряду других персонажей. По словам Ю.И. Смирнова, сказители данные вариативные фигуры «активно используют во всех случаях изображения героя или его действия с тем, чтобы подчеркнуть исключительность изображаемого» (Смирнов Ю.И., 1971, с. 104).

Например, цитата из сказания Н. Улагашева «Эр-Самыр»:

<i>Айдың-күннің алдына</i>	<i>Под луной-солнцем</i>
<i>Ачал туман түшти.</i>	<i>Холодный туман опустился.</i>
<i>Тууның-сууның бажына</i>	<i>На верховья горы-реки</i>
<i>Бос бороон түшти.</i>	<i>Серая мгла опустилась.</i>
<i>Кара жер силкиништи</i>	<i>Черная земля затряслась</i>
<i>Көк теңери күркүреп келди.</i>	<i>Синее небо загремело.</i>

(ФМ, № 130, с. 36)

Цитата из сказания «Алтын Арыг»:

<i>Ах Хум сын үстүне</i>	<i>На вершину хребта Ах-Хум</i>
<i>Ачылбас ах тубан түскен</i>	<i>Сплошной белый туман опустился.</i>
<i>Маңан Сайынның чуртында</i>	<i>Во владении Манган-Сайына,</i>
<i>Кқк тубан пүргелібіскен.</i>	<i>Синий туман [все] окутал.</i>
<i>Хараа ойлаан ай харағы</i>	<i>Диск луны, который [по небу] ночью бежал,</i>

Хаара нөөлип чіткен, Покрылся мраком, исчез.
Хызарып ойлаан күн харағы Диск солнца, который [по небу] бежал,
Хызарып сығып чідібискен. Сделался красным и скрылся.

(ХГС, 1988, с. 160)

В обеих цитатах вариативные фигуры выступают предвестниками появления богатыря, символом угрозы и ожидания чего-то опасного.

Если обратить внимание на четверостишия, выделенные курсивом, то перед нами представлены эпические стихи близких соседей, в которых совпадают содержание, стиль и ритмико-синтаксическая структура и даже словесное оформление.

В сказаниях Н. Улагашева во всех вариативных фигурах реакции природы на появление и действия эпических персонажей сквозной, устойчивой формулой идет выделенная нами курсивом вариативная фигура с вариантами глаголов и существительных, которые не меняют смысловой сути вариативной фигуры. Данная вариативная фигура являясь собственно-индивидуальным в репертуаре Н. Улагашева, встречается почти во всех сказаниях сказителя.

Также, в рассматриваемых сказаниях почти идентичны вариативные фигуры изменения природы во время борьбы богатырей:

Тайга турбаган јерде тайга турды,
Суу акпаган јерде суу акты.
Балдарлу аңдар балдарын таштап качты,
Уйалу куштар уйазын таштап качты.

Там, где не было горы, образовалась гора,
Там, где река не протекала, стала течь река.
Звери, у которых были детеныши, убежали бросив детенышей,
Птицы с насиженных гнезд улетали.

(Баскаков Н.А., 1965 с. 257)

Тағ өстурвес чердең Там, где горы не было,
Тағ өстур пардылар, Гора выросла.
Суғ ағышпас чердең Там, где воды не было,
Суғ ағыстыр турдулар. Вода потекла.

(ШГС, 1997, ст. 1049-1052))

Уйалығ куш уйдаң часты, Птицы, гнезда имеющие, гнезда свои бросают,
Палалығ аң паладаң часты. Звери, детенышей имеющие, детенышей своих
бросают.

(ШГС, 1997, ст. 117-118)

В вариативных описаниях езды эпического героя в рассматриваемых сказаниях встречаются сходные, почти аналогичные вариативные фигуры. Например:

Стремительный отъезд.

Турган *изи* бар болды,
Барган *изи* жок болды.

Следы, где он стоял, остались,
Следов, где он проехал, не было.

(Баскаков Н.А., с. 138)

Пасқан чери пар полду,
Парған чере чоқ полду.

Там, где стоял конь – след остался,
Куда ускакал – следа не видно.

(ШГС, 1997, ст. 3-4)

Или:

Турган *јери* бар болды,
Барган *изи* жок болды.

Место, где стоял – есть,
Следов, куда уехал – нет.

(ФМ, № 123, с. 26-27)

Пасқан азығы пар полду,
Парған чери чоқ полду.

Там где стоял, следы остались,
Куда ускакал – следов не было.

(ШГС, 1997, ст. 1913-1914)

Здесь мы видим варьирование слова «ис» (след) со словом «јер» (место, земля) в первых строках и алтайских и шорских цитат.

Подобное вариативное описание стремительного отъезда является «общим местом» не только в алтайских героических сказаниях, но и в эпосе народов Южной Сибири.

Вариативное описание богатырского поединка.

По словам С.М. Орус-оол «Богатырский поединок <...> в эпосе необходим для показа масштаба изображения, его характера и природы в эпическом контексте, а также яркого выделения богатырских качеств героя через его поступки, способствующие созданию эпических образов» (Орус-оол С.М., 2001, с. 339). Для данного вариативного описания характерно обстоятельное изображение хода борьбы, состоящее из нескольких этапов. Причем, богатырский поединок носит фантастический, гиперболический оттенок.

В некоторых сказаниях Н. Улагашева, как и в других алтайских сказаниях, богатырский поединок начинается с диалога или словесных угроз, например в сказании «Байбалчыкай» выявлена перекрестная вариация, когда слова обретают свое соответствие через строку:

- *Талкан-күлүңди* мен чачарым! – *Талкан-золу* твою я разведу!
- *Тарыска-јуртуң* мен бузарым! – *Убогое стойбище* твоё я разрушу!
- *Өскөн күлүңди* мен чачарым! – *Накопившуюся золу* твою я разведу!
- *Өргөёңди* мен бузарым! – *Дворец-юрту* твою я разрушу!

(ФМ, № 123, с. 9)

В шорском эпосе:

Таш очуғун талаарға,
Талай күлүңнү шачарға келдим.

Твои очаги каменные разбить,
Твою морю-золу развести я прибыл.

(ШГС, ст. 104-105)

Близкое по значению описание так же выявлено и в хакасском сказании «Ай-Хуучин»:

Хаара-пуруннаң халын чурты

С древнейших времен богатый ее чурт

Талалбаан тееннер,	Не разрушался, говорят,
Чон чуртааннаң пеер	С тех пор как народ живет,
Чурты талалбаан, чон чоохтасчадыр.	Чурт ее не рушился, народ говорит.
<i>Тас очыгын</i> талап, килерге,	Каменный ее очаг хотим сломать,
<i>Талғанныҕ кўлін</i> тоолат килерге.	Ее золу-талкан, развеять.

(ХГС, 1997, с. 121)

Словами «*талкан-зола (талкан-кўл)*» (здесь зола уподобляется с «талканом» – мелко измельченными жареными зёрнами ячменя), *убогое стойбище (тарыска-юрт), накопившаяся зола (ёскөн кўл), дворец (ёргёё)*» образно передается наследное, древнее стойбище эпического персонажа.

В хакасской цитате слова «*талкан-зола*» (*талғанныҕ кўл*) и «*очаг*» (*очых*) и в шорской цитате слова «*море-зола*» (*талай кўл*) и «*очаг*» (*очук*) также являются традиционным образом домашнего очага, символом долгой мирной жизни в родном краю.

По словам З.С. Казагачевой «Не исключено, что это – одна из важнейших вариативных фигур, в которой закодирована первопричина основных конфликтов, составляющих содержание эпоса: уничтожение следов обживания, более того, уничтожение следов наследования ее с древности. А потому в противоборстве противники в первую очередь намереваются стереть с лица земли следы наследования с момента первозаселения» (Казагачева З.С., 2002, с. 146).

Еще одна вариативная фигура, описывающая приветствие перед поединком:

Экүдиң эзен-мендизи мындый болды:	У двоих приветствие было таким:
« <i>Үлди бажы амыр ба?</i>	« <i>Острие меча в мире ли?</i>
<i>Јыда бажы эзен бе?</i> » – деп,	<i>Наконечник пики в спокойствии ли?</i>

– говоря,

Оноң ары тудушты.	Далее схватились.
-------------------	-------------------

(ФМ, № 128, с. 15)

В хакасском сказании «Алтын-Арыг» подобное приветствие так же присутствует:

Чыда пазынаң изеннескеннер,	Поздоровались [с ним] концами копий,
Молат хылыс пізінче	Остриями стальных мечей
Минділес турыбысханнар.	Его приветствовали.

(ХГС, 1988, с. 146)

В алтайской цитате мы видим слова автора и прямую речь, в которой оттеняется особый драматизм в монологах персонажей, острота и напряженность их переживаний.

Словесное оформление вариативных фигур описывающих продолжительность поединка, в алтайском и в хакасском эпических традициях несколько различаются:

Јети кўнге тудуш турды	Семь дней боролись
Јерге неме тўшпеди.	Никто не упал на землю.
Тогус кўн тудушты	Девять дней боролись
Тобуракка неме тўшпеди.	Никто на рыхлую землю не упал.

(Баскаков Н.А., 1965, с. 162)

Алты чылды азыра	Больше шести лет [богатыри]
Алызып, толгазып парғаннар.	Схватывались, бились,
Чити чылны иртіре,	Больше семи лет
Ирезіп, толғас турадылар.	Сражаются, бьются.

(ХГС, 1988, с. 171)

Но, общим в обоих приведенных описаниях является то, что числительные употребляются применительно для начальной аллитерации, они не указывают конкретное количество, а дают обобщающее числовое понятие длительности. В первом случае мы видим действие близкое к реальности, а во втором гиперболизированное течение эпического времени.

Вариативные описания, связанные с женитьбой эпического героя.

В этой группе можно выделить устойчивую формулу, используемую сказителями применительно к церемонии сватовства. Например, в сказании «Бойдоң-Көкшин»:

«Кызыл элик туштаза,	«Если красная косуля встретится,
Эт аларга.	Мясо хотел взять.
Кыс бала туштаза,	Если девушка встретится,
Эш эдерге».	Женой хотел сделать».

(ФМ, № 132, с. 20)

Аналогичная фигура в сказании «Кан Перген»:

Кызыл кийик тоғашса,	Если красная косуля встретится –
Оқ пазынға қызарға.	Стрела моя ее догонит.
Кыз палазы тоғашса,	Если юная девушка встретится,
Тил бажына қызарға парчам.	Словами уговорить я еду.

(ШГС, 1998, ст. 23-26)

Если первые и третьи строки данных цитат буквально совпадают, то вторые и четвертые строки варьируются.

В сказании «Алтын-Арыг» так же выявлено своеобразная формула:

«Чаға марха хазанғанда,	«Раз уж пуговицу к вороту пришил,
Чарас, чахсы тілеп парчадым,	[То] еду искать пригожую, добрую [девушку],
Холтых марха хазанғанда,	Раз уж пуговицу к подмышке пришил,
Хоос, чахсы көрерге парчадым.	[То] еду присмотреть красивую, добрую
	[девушку]».

(ХГС, № 1988, с. 186)

В алтайской цитате, скорее, психологический параллелизм, чем вариационный. В тюрко-монгольязычной поэзии различные формы психологического параллелизма представлены достаточно полно. По сравнению с песенным фольклором алтайцев, где построение народного стиха идет по принципу параллели природы с человеком, в эпических произведениях вариативные фигуры параллели природы с человеком очень редки. Исключение не составляют и сказания Н. Улагашева.

В данных цитатах в качестве особой разновидности следует отметить перекрестную

вариацию, когда слова обретают свое соответствие через строку.

Таким образом, рассмотренные в эпическом творчестве алтайского, хакасского и шорского народа стилевые вариации позволяют установить типологические сходные явления и специфические отличия. В разных по сюжету, по размеру, языку национальных текстах устойчивым остаются набор опорных, или ключевых слов, последовательность построения формулы и близость на лексико-грамматическом, стилистическом уровнях. Опорные слова, сохраняя несущую в себе смысл, могут варьироваться в разных сказаниях и в пределах одного сказания. Устойчивость вариационных параллелизмов в разных эпических традициях достигается как раз благодаря опорным и ключевым словам и словосочетаниям. Вместе с тем сходные вариативные фигуры обладают высокой вариативностью, хотя традиционный стилевой фон сохраняется. Это можно объяснить тем, что у разных народов в эпической поэзии своя форма выражения и художественная образная система, свои функциональные особенности. В целом алтайский эпос, как и эпос хакасского народа самостоятелен и самобытен.

Библиографический список

1. Арбачакова, Л.Н. Текстология шорского героического эпоса / Л.Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.
2. Баскаков, Н.А. Диалект черневых татар (туба кизи) / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1965. – 340 с.
3. Казагачева, З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода / З.С. Казагачева. – Горно-Алтайск, 2002. – 350 с.
4. Калачев, А. Былина об Алтай-Бучае // Живая старина / А. Калачев. – СПб., 1896. – Вып 3-4. – С. 492-499.
5. Кудияров, А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А.В. Кудияров. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 327 с.
6. Орус-оол, С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль) / С.М. Орус-оол. – М.: Наука, 2001. – 422 с.
7. Смирнов, Ю.И. Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение // Славянский и балканский фольклор / Ю.И. Смирнов. – М.: Наука, 1971. – 356 с.
8. Фольклорные материалы, папка № 123, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Байбалчыкай»).
9. Фольклорные материалы, папка № 128, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». (сказ. «Шокшыл-Мерген»).
10. Фольклорные материалы, папка № 129, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Кан-Тутай»).
11. Фольклорные материалы, папка № 130, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Эр-Самыр»).
12. Фольклорные материалы, папка № 132, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Бойдоң-Көкшин»).
13. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 16. – 456 с.
14. Хакасский героический эпос. Алтын-Арыг. Эпос народов СССР. – М.: Наука, 1988. – 589 с.
15. Шорские героические сказания. Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1998. – Т. 17. – 463 с.
16. Werner Heinz. Die Ursprünge der Lyrik: Eine entwicklungspsychologische Untersuchung. – München, Reinhardt, 1924. – 243 S.

Список сокращений

ФМ – Фольклорные материалы.

ХГС – Хакасский героический эпос.

ШГС – Шорские героические сказания.